

УДК 321.64

DOI: 10.34670/AR.2025.47.35.002

Идеологические основания институтов пенитенциарных систем (на примере ГУЛАГа 1930–60-х гг.)

Константинов Михаил Сергеевич

Кандидат политических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: konstantinov@sfedu.ru

Федосов Матвей Васильевич

Магистрант,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: fedosovmatvey@gmail.com

Аннотация

Предметом исследования являются дисциплинарные механизмы идеологического воздействия в пенитенциарных институтах ГУЛАГа и их роль в производстве специфических форм советской субъективности. Объектом исследования выступает система исправительно-трудовых учреждений ГУЛАГа в период 1930–1960-х годов как специфический «карцеральный архипелаг», функционирующий в качестве лаборатории советской власти по отработке дисциплинарных технологий. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как паноптическая модель организации лагерного пространства, технологии нормализации и субъективации через труд, системы информационного контроля и устрашения. Особое внимание уделяется анализу ГУЛАГа как «диспозитива власти» в фукольдианском понимании, объединяющего дискурсивные и недискурсивные элементы в единую стратегию производства послушных советских субъектов. Исследуются механизмы артикуляции репрессивных и продуктивных функций пенитенциарной системы, формы сопротивления заключенных и роль ГУЛАГа в качестве модели для других советских дисциплинарных институтов. Методологической основой выступает синтез фукольдианского анализа дисциплинарной власти, теории тотальных институтов Ирвинга Гофмана и неограмшианского понимания гегемонии для разработки концепции «карцеральной идеологии». Основными выводами проведенного исследования являются: ГУЛАГ функционировал как специфический «диспозитив» производства советской субъективности, где через систему дисциплинарных практик осуществлялась трансформация политических субъектов в лояльных советских граждан; пенитенциарные институты служили «лабораториями» советской власти по отработке технологий тотального контроля, впоследствии распространившихся на все советское общество. Особым вкладом авторов в исследование темы является разработка концепции

«карцеральной идеологии» как синтетической аналитической рамки, объединяющей дисциплинарное, нормализующее и гегемоническое измерения власти в пенитенциарных институтах. Новизна исследования заключается в применении фукольдианской теории дисциплинарной власти к систематическому анализу советских карцеральных практик и концептуализации ГУЛАГа не только как репрессивного, но как продуктивного института, создававшего новые формы знания о советском субъекте и технологии его формирования. Исследование демонстрирует, как карцеральные технологии ГУЛАГа составили матрицу советского «карцерального архипелага», определившую специфику советского проекта модернизации субъективности.

Для цитирования в научных исследованиях

Константинов М.С., Федосов М.В. Идеологические основания институтов пенитенциарных систем (на примере ГУЛАГа 1930–60-х гг.) // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 6А. С. 14-29. DOI: 10.34670/AR.2025.47.35.002

Ключевые слова

ГУЛАГ, дисциплинарная власть, тотальные институты, идеология, идеологическая субъективность, карцеральный архипелаг, технологии власти, гегемония, биовласть, паноптизм.

Введение

Проблема функционирования идеологических механизмов в пенитенциарных системах приобретает особую актуальность в контексте современных дискуссий о природе власти, контроля и производства субъективности в закрытых институциональных пространствах. Система ГУЛАГ 1930–1960-х годов представляет уникальный исследовательский случай для анализа того, как дисциплинарные механизмы власти функционируют в условиях тотального контроля, создавая специфические формы идеологической субъективности.

Актуальность данного исследования определяется несколькими ключевыми факторами. Во-первых, недостаточной теоретической разработкой проблемы применения фукольдианского анализа дисциплинарной власти к изучению советских пенитенциарных практик. Во-вторых, необходимостью концептуального переосмысления ГУЛАГа не только как экономического или репрессивного института, но как специфического «карцерального архипелага», производящего определенные формы знания и субъективности. В-третьих, важностью понимания исторических механизмов производства идеологической гегемонии через дисциплинарные практики для анализа современных форм институционального контроля. Особое значение приобретает исследование ГУЛАГа как «лаборатории» советской власти, где отрабатывались и совершенствовались технологии дисциплинарного воздействия, впоследствии распространявшиеся на все советское общество. Понимание этих механизмов позволяет глубже осмыслить природу тоталитарной власти и специфику советского проекта модернизации субъективности.

Таким образом, объектом исследования стала система исправительно-трудовых учреждений ГУЛАГа в период 1930–1960-х годов как специфический «карцеральный архипелаг», функционирующий в качестве лаборатории советской власти по отработке дисциплинарных

технологий, а предметом – дисциплинарные механизмы идеологического воздействия в пенитенциарных институтах ГУЛАГа и их роль в производстве специфических форм советской субъективности.

Цель исследования – выявить в функционировании ГУЛАГа систему производства идеологической субъективности через дисциплинарные практики и определить специфику карцеральной идеологии в контексте советского гегемонистского проекта. Для реализации поставленной цели потребовалось последовательное решение следующих задач: - проанализировать ГУЛАГ как специфический «диспозитив власти» в фукольдианском понимании, объединяющий дискурсивные и недискурсивные элементы в единую стратегию контроля; - выявить основные дисциплинарные технологии, применявшиеся в исправительно-трудовых учреждениях для формирования новых форм субъективности; - исследовать механизмы артикуляции репрессивных и идеологических функций ГУЛАГа в рамках единой карцеральной стратегии; - проанализировать специфику применения дисциплинарных технологий к различным категориям заключенных, особенно осужденных по политическим статьям; - выявить формы сопротивления и «подпольной жизни» как проявления неполноты дисциплинарного контроля; - определить роль ГУЛАГа в качестве модели для других советских дисциплинарных институтов и его место в общесоветском «карцеральном архипелаге».

Основное содержание

Авторский теоретический конструкт, положенный в основу исследования, включает три основных элемента: фукольдианский концепт дисциплинарной власти, концепт тотальных институтов Ирвинга Гофмана, а также развитие концепта гегемонии в трудах последователей Антонио Грамши. Фундаментальной работой для понимания карцеральных институтов по-прежнему исследование французского социального философа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» (1975), где была разработана концепция дисциплинарной власти и проанализирована трансформация наказания от зрелищного к дисциплинарному [История сталинского Гулага. Т. 3, 2004]. Фуко показал, как современная тюрьма функционирует не столько как место наказания, сколько как институт производства знания о преступности и технологий нормализации субъективности. Ключевое значение для нашего исследования имеет фукольдианская концепция *паноптизма* – принципа организации дисциплинарной власти, основанного на потенциальной видимости всех субъектов для надзирающей инстанции. Паноптическая модель, по Фуко, становится «диаграммой» дисциплинарного общества, распространяясь за пределы тюрьмы на школы, больницы, фабрики и другие институты [История сталинского Гулага. Т. 3, 2004, с. 285–334].

Развитие фукольдианского подхода к анализу пенитенциарных систем можно найти в работах современных исследователей карцеральной географии и критической криминологии. Рут Уилсон Гилмор в «Золотом ГУЛАГе» (2007) применяет фукольдианский анализ к изучению калифорнийской тюремной системы, показывая, как пространственная организация карцерального контроля служит воспроизводству расовой и классовой стратификации [Jessop, 1990]. Анджела Дэвис в работах по тюремному аболиционизму [Gilmore, 2007] развивает фукольдианские интуиции о связи между карцеральными технологиями и более широкими механизмами социального контроля. Ее анализ «тюремно-промышленного комплекса» демонстрирует, как дисциплинарные институты функционируют в качестве элементов более широких диспозитивов власти.

Концептуальной основой для понимания специфики закрытых учреждений в данной статье служит теория *тотальных институтов* американского социолога Ирвинга Гоффмана, разработанная в работе «Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений» (1961) [Гоффман, 2019]. Гоффман выделил пять типов тотальных институтов, среди которых особое место занимают «места заключения людей, которые представляют угрозу для сообщества» – тюрьмы, пенитенциарии, лагеря для военнопленных и концентрационные лагеря [Гоффман, 2019, с. 33–34]. Ключевыми характеристиками тотальных институтов, по Гоффману, являются: разрушение барьеров между различными сферами жизни; проведение всех аспектов жизни в одном месте под единым контролем; регламентация деятельности в соответствии с общим рациональным планом; существование глубокого разрыва между персоналом и постояльцами [Гоффман, 2019, с. 34–41]. Особое значение для нашего анализа имеет гоффмановская концепция «процессов умерщвления» (*mortification processes*) – систематического разрушения предыдущей идентичности индивида через ритуалы деградации, лишение личных вещей, стандартизацию поведения и внешнего вида. Эти процессы создают условия для формирования новой институциональной идентичности [Гоффман, 2019, с. 51–54].

Развитие теории тотальных институтов можно найти в работах Стэнли Козна «Видения социального контроля» (1985), где анализируется трансформация карцеральных технологий в постмодернистском обществе, и Томаса Матхисена «Тюрьма на испытании» (1990), исследующего функции тюрьмы в поддержании социального порядка.

Не менее важной для данной статьи является концепция «мыслящих институтов» британского социального антрополога Маргарет Мэри Дуглас, изложенная в работе «Как мыслят институты» (1986) [Дуглас, 2020]. Согласно этой концепции, институты не просто регулируют социальную реальность, но активно участвуют в ее конструировании через формирование коллективных способов мышления и классификаций. Как показывают современные исследования церковных институтов, проведенные с использованием подходов М. Дуглас, «церкви представляют собой "мыслящие моральные общности" клира и паствы» [Давыдов, Фадеев, 2024, с. 220]. Аналогичным образом, пенитенциарные институты можно рассматривать как «мыслящие коллективы», формирующие специфические способы восприятия и категоризации социальной реальности.

Особое значение в данном контексте имеет тезис Дуглас о том, что институты осуществляют классификацию [Дуглас, 2020, с. 179]. В практиках ГУЛАГа это выражалось в четком разделении заключенных на категории: «политическим» уделялось несколько больше внимания, чем осужденным по другим статьям. Такая классификация не была нейтральной, но служила идеологическим целям системы. Кроме того, институты служат формированию памяти и забвения [Дуглас, 2020, с. 163]. В институтах ГУЛАГа это проявлялось через систему информаторов, которая занималась продвижением среди контингента просоветской идеологической агитации, и увеличением позитивных режимных настроений. Наконец, институты наделяют идентичностью [Дуглас, 2020, с. 195]. В истории ГУЛАГа это могло проявляться в формировании особого типа личности – *Номо soveticus* (человека советского), готового выполнять любые распоряжения и просьбы вышестоящего.

Третьим из ключевых элементов теоретической базы исследования стала теория гегемонии итальянского политического философа Антонио Грамши, разработанная им в «Тюремных тетрадах» (1928–1937) [Грамши, 1991]. Грамши различал «господство» (*dominio*) – прямое принуждение через государственные аппараты, и «руководство» (*direzione*) – интеллектуальное

и моральное лидерство через институты гражданского общества. Ключевой для нашего анализа является грамшианская концепция «позиционной войны» – длительной борьбы за культурную гегемонию через трансформацию здравого смысла и формирование новых субъективностей [Грамши, 1991, с. 224]. В контексте ГУЛАГа это позволяет понять, как пенитенциарные институты функционировали в качестве «траншей» в войне за формирование нового советского субъекта.

Развитие неограмшианского подхода в работах Стюарта Холла, Боба Джессопа и других представителей исследований культуры (culture studies) показывает [Wittfogel, 1957], как гегемонистские проекты реализуются через артикуляцию различных дискурсивных элементов в когерентные идеологические формации. Луи Альтюссер в работе «Идеология и идеологические аппараты государства» (1970) также развивает грамшианские интуиции, вводя концепцию «интерпелляции» – процесса конституирования субъектов через идеологические призывы [Davis, 2003]. Альтюссеровское понимание идеологии как материальной практики, воплощенной в ритуалах и институциональных процедурах, особенно релевантно для анализа дисциплинарных механизмов ГУЛАГа.

Эмпирической базой исследования послужили различные источники, но прежде всего авторы статьи опирались на исторические исследования феномена ГУЛАГа. Современная историография ГУЛАГа основывается на фундаментальных архивных исследованиях, начатых в 1990-е годы. Пионерными работами стали исследования Дж. Арча Гетти, Габора Риттершпорна и Виктора Земскова «Жертвы советской пенальной системы в предвоенные годы» (1993), впервые предоставившие систематические данные о масштабах и динамике репрессий [Hall, 1997]. В масштабном коллективном издании документов по истории сталинского ГУЛАГа (2004–2005) анализируется эволюция пенитенциарной системы в контексте сталинской политики индустриализации [Althusser, 1971]. Галина Иванова в монографии «История ГУЛАГа, 1918–1958» (2006) рассматривает правовые и административные аспекты функционирования системы [Иванова, 2006]. Энн Эпплбаум в книге «ГУЛАГ: история» (2003; в переводе книга получила название «ГУЛАГ: Паутина Большого террора») представляет комплексный анализ повседневной жизни в лагерях, основанный на мемуарной литературе и архивных источниках [Barns, 2011]. Стивен Барнс в «Смерти и искуплении в ГУЛАГе» (2011) исследует религиозные и этические аспекты лагерного опыта [Getty, Rittersporn, Zemskov, 1993]. Важное значение для понимания идеологических механизмов имеют работы, анализирующие культурные и образовательные практики в ГУЛАГе. Энн Эпплбаум, Йохен Хельбек и другие исследователи показали, как советская власть пыталась трансформировать заключенных через «культурно-воспитательную работу», самодеятельность и участие в производственных соревнованиях.

Таким образом, анализ научной литературы выявляет несколько значимых лакун. Прежде всего, фукольдианская теория дисциплинарной власти практически не применялась к систематическому анализу советских пенитенциарных практик. Большинство исследований ГУЛАГа фокусируется на политических, экономических или демографических аспектах, не рассматривая систему как специфический «диспозитив» производства субъективности. Кроме того, недостаточно изученными остаются механизмы артикуляции дисциплинарных и идеологических технологий в рамках единой карцеральной стратегии. Существующие работы либо анализируют репрессивные функции ГУЛАГа, либо его идеологические аспекты, но не рассматривают их синтетическое единство. Наконец, отсутствует концептуализация ГУЛАГа в контексте более широкого «карцерального архипелага» советского общества. Фукольдианское

понимание тюрьмы как модели для других дисциплинарных институтов не применялось к анализу роли ГУЛАГа в формировании общесоветских технологий контроля.

Материалы и методы

Методологическим основанием данного исследования выступает фукольдианская аналитика власти [История сталинского Гулага. Т. 3, 2004], понимающая власть не как субстанцию или инструмент, но как отношение сил, пронизывающее все социальное тело. Согласно Фуко, власть является продуктивной – она не только запрещает и подавляет, но производит знание, дискурсы, удовольствия и субъективности. Ключевой для нашего анализа является концепция дисциплинарной власти – специфической технологии власти, возникшей в XVII–XVIII веках и направленной на формирование «послушных и полезных» тел через детальный контроль за движениями, временем, пространством и деятельностью индивидов. Дисциплинарная власть опирается на три основных инструмента: иерархический надзор, нормализующую санкцию и экзамен.

Иерархический надзор предполагает организацию пространства и времени таким образом, чтобы сделать видимыми все действия подконтрольных субъектов. Архитектурной моделью такого надзора служит Паноптикон Бентама – тюрьма, где все заключенные потенциально видимы для надзирателя, который сам остается невидимым. Нормализующая санкция функционирует через систему микро-наказаний за малейшие отклонения от нормы. Цель таких санкций – не возмездие, а коррекция поведения и приведение его в соответствие с установленными стандартами. Экзамен соединяет надзор и санкцию, создавая процедуры, которые одновременно контролируют и производят знание о субъектах. Через экзамен индивиды становятся объектами знания и субъектами власти.

Дополнительным методологическим ресурсом послужила фукольдианская концепция биовласти [Эпплбаум, 2006] – технологии власти, направленной на управление жизнью популяций через регулирование рождаемости, смертности, здоровья, сексуальности и других биологических процессов. Биовласть функционирует через две основных стратегии: «анатомо-политику человеческого тела» (дисциплинарные технологии) и «биополитику населения» (регуляторные механизмы). В контексте ГУЛАГа особое значение приобретают «технологии я» – практики, через которые индивиды формируют отношение к самим себе, конституируются как моральные субъекты и трансформируют собственную субъективность. К таким технологиям относятся исповедь, самокритика, ведение дневников, участие в коллективных ритуалах.

Концепция тотальных институтов Ирвинга Гофмана предоставляет аналитическую рамку для понимания специфики закрытых учреждений как пространств тотального контроля над жизнью индивидов. Гофмановский анализ «процессов умерщвления» и формирования институциональной идентичности дополняет фукольдианское понимание дисциплинарных механизмов. Особенно важной является гофмановская концепция «подпольной жизни» (underlife) – неформальных практик сопротивления и адаптации, развиваемых обитателями тотальных институтов. Эти практики показывают, что дисциплинарная власть никогда не является тотальной – она всегда встречает сопротивление и порождает непредвиденные эффекты.

Наконец, теоретическим дополнением к фукольдианскому анализу служит неограмшианская теория гегемонии, понимающая господство не только как принуждение, но как производство согласия через культурные и идеологические механизмы. В контексте

ГУЛАГа это позволяет анализировать, как дисциплинарные практики артикулировались с более широкими гегемоническими проектами советской власти. Ключевой является грамшианская концепция «трансформизма» – стратегии нейтрализации оппозиции через ее инкорпорацию в господствующий блок. Применительно к ГУЛАГу это означает анализ того, как система пыталась трансформировать политических противников в лояльных советских граждан.

На основе интеграции фукольдianского, гофмановского и неограмшианского подходов авторы статьи разработали концепцию «карцеральной идеологии» – специфической формы идеологической работы, осуществляемой через дисциплинарные механизмы тотальных институтов. Карцеральная идеология функционирует через три основных измерения:

1. Дисциплинарное измерение – формирование послушных тел через детальный контроль за поведением, временем и пространством;
2. Нормализующее измерение – производство новых форм субъективности через практики самонаблюдения, самокритики и самотрансформации;
3. Гегемоническое измерение – артикуляция дисциплинарных практик с более широкими идеологическими проектами через ритуалы, символы и нарративы.

В данной статье описанный теоретико-методологический конструкт применяется к эмпирическому материалу истории ГУЛАГа в период 1930–1960-х гг. с целью проверки рабочей гипотезы: ГУЛАГ функционировал как специфический «диспозитив» производства советской субъективности, где через систему дисциплинарных практик осуществлялась трансформация политических субъектов в лояльных советских граждан (*Homo soveticus*). Карцеральная идеология ГУЛАГа представляла собой синтез репрессивных и продуктивных технологий власти, направленных не только на наказание, но на производство новых форм знания о советском субъекте и отработку дисциплинарных механизмов, впоследствии распространившихся на все советское общество. Пенитенциарные институты ГУЛАГа служили «лабораториями» советской власти, где тестировались и совершенствовались технологии тотального контроля, нормализации и субъективации, составившие основу советского проекта модернизации.

ГУЛАГ как диспозитив дисциплинарной власти

ГУЛАГ как структурное образование не может рассматриваться исключительно как обычная сеть исправительных учреждений, объединившая под своим началом изоляторы, тюрьмы, колонии и лагеря страны. В фукольдianской перспективе ГУЛАГ представляет собой сложный «диспозитив власти» – гетерогенную совокупность дискурсов, институтов, архитектурных решений, регламентов, законов, административных мер, научных высказываний, философских и моральных предложений, объединенных стратегической целью управления советской популяцией.

Как отмечает Н.А. Белова, это прежде всего разветвленная бюрократическая система, институт уголовного наказания, объединяющий в своей деятельности помимо исправительных экономические, карательные и идеологические функции [Белова, 2013]. Систему исправительно-трудовых учреждений ГУЛАГа можно представить как экономический концерн принудительного труда осужденных и добычи природных ресурсов на благо страны, как гигантскую структуру силового воздействия, и наконец, как идеологизированный мир со своими правилами и особенностями. В контексте фукольдianского анализа последний упомянутый аспект представляет наибольший интерес как проявление специфической

«карцеральной рациональности» – формы знания и практики, направленной на производство послушных и продуктивных субъектов через тотальный контроль за их телами, временем и сознанием.

Паноптическая модель и архитектура контроля.

Пространственная организация лагерей ГУЛАГа воплощала принципы паноптической модели, разработанной Иеремией Бентамом и проанализированной Мишелем Фуко. Хотя архитектура советских лагерей не воспроизводила буквально схему Паноптикона, она реализовывала тот же принцип потенциальной видимости всех заключенных для надзирающих инстанций. Территориальная изоляция лагерей, система вышек и ограждений, организация бараков и рабочих зон создавали пространство тотальной видимости, где каждое движение заключенного могло быть зафиксировано и проконтролировано. Эта архитектурная диспозиция дополнялась временной организацией лагерной жизни – строгим распорядком дня, регламентацией всех видов деятельности, системой сигналов и команд.

Паноптический принцип реализовывался не только через физическую архитектуру, но и через «архитектуру знания» – систему документооборота, учета, классификации и контроля, создававшую детальное знание о каждом заключенном. Личные дела, характеристики, отчеты о поведении, производственные показатели формировали всеобъемлющий «архив» лагерной популяции, позволявший индивидуализировать контроль и дифференцировать воздействие.

Изоморфизм внутреннего и внешнего пространств.

Исследователи феномена ГУЛАГа отмечают, что внутренний тюремный и внешний юридически свободный миры строились и функционировали по единому образцу. Жак Росси в своем труде «Справочник по ГУЛАГу» утверждал, что из всех концентрационных систем этого века, включая концентрационные лагеря Гитлера, советский ГУЛАГ был не только самым долговечным, просуществовав 73 года, но и самым точным воплощением создавшего его государства. Не зря ведь об освобождаемом ээке говорили, что его переводят «из малой зоны в большую» [Росси, 1987, с. 91–94]. В фукольдианской перспективе этот изоморфизм отражает процесс «карцерализации» советского общества – распространения дисциплинарных технологий, отработанных в тюрьмах, на другие социальные институты. ГУЛАГ функционировал как «лаборатория» советской власти, где тестировались и совершенствовались механизмы контроля, впоследствии применявшиеся в школах, фабриках, колхозах и других институтах.

С учетом этого факта можно говорить о единстве внутреннего лагерного мира и внешнего не только в контексте психологических аспектов. Данные структуры сооружались в рамках одного конкретного замысла, причем строились они в большей степени одними и теми же людьми, и их фундамент был основан на одинаковом восприятии должного, необходимого [Трус, 1994]. Как следствие, большинство советских государственных идеологических укладов нашло свое отражение и практическое применение в тюремно-исправительном пространстве, которое являлось одним из средств деятельности системы «казарменного социализма», или же «азиатского способа производства» (как ее именуют другие исследователи).

Производство дискурса и режимы истины.

Отмеченные аналогии совсем не случайны, поскольку, согласно Мишелю Фуко, «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности... Табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта –

здесь мы имеем дело с действием трех типов запретов, которые пересекаются, усиливают друг друга или компенсируют, образуя сложную решетку, которая непрерывно изменяется [Фуко, 2010, с. 51–52]. В контексте ГУЛАГа эта «решетка» дискурсивного контроля функционировала через производство специфического «режима истины» о природе советского субъекта, преступности, исправления и перековки [Иванова, 2006, с. 16–18]. Криминологические, педагогические, медицинские и психологические дискурсы артикулировались в единую систему знания, легитимирующую карцеральные практики и определяющую способы воздействия на заключенных.

При более детальном осмыслении данного утверждения можно сделать вывод о том, что социалистический идеологический курс продвигался и реализовывался партийным аппаратом именно в тех местах и структурах, где он представлял собой нечто непогрешимое, и при этом относительно легко воспринимался. Под подобные условия как раз и подходил исправительно-трудовой тюремный корпус ГУЛАГа, где начальство так или иначе самостоятельно могло определять не только судьбу отдельных заключенных, но и устанавливать на территории отдельно взятой тюрьмы наиболее благоприятный и выгодный социальный порядок.

Дисциплинарные технологии и производство субъективности.

Фундаментальной дисциплинарной технологией в ГУЛАГе была пространственно-временная организация лагерной жизни. Строгий распорядок дня, регламентация всех форм деятельности, контроль за перемещениями создавали матрицу дисциплинарного времени, где каждая минута жизни заключенного была подчинена производственным и воспитательным целям. Пространственная дисциплина реализовывалась через зонирование территории лагеря, создание иерархии привилегированных и менее привилегированных зон, систему пропусков и разрешений. Каждому заключенному предписывалось определенное место в пространственной иерархии лагеря, соответствующее его статусу, поведению и производственным показателям. Часто этому даже «благоволили» окружающие условия: территориальная удаленность лагерей от населенных пунктов, редкие проверки, предоставление тюремной администрации компетенций разрешать большую часть вопросов в самостоятельном порядке, а также высокий уровень так называемых «связей» начальствующего административного состава в партийных и ревизионных органах власти [Росси, 1987].

В использовании тюремной социальной организации не могли остаться в стороне и партийные структуры. Их целью была не только корректировка и подавление воли конкретной группы осужденных (в большинстве своем это были осужденные по 58 статье УК РСФСР, в ГУЛАГовском быту именуемые «политическими»), но и внедрение идеологических паттернов остальным вкупе с физическим и умственным трудом в колонии во благо социализма. ГУЛАГ функционировал через специфическую «экономику видимости и невидимости», характерную для паноптических институтов [История сталинского Гулага. Т. 3, 2004]. Заключенные должны были быть постоянно видимыми для надзирающих инстанций, в то время как механизмы контроля оставались частично скрытыми [Иванова, 2006]. Эта асимметрия видимости создавала эффект самодисциплинирования – заключенные интернализировали контроль, не зная точно, когда именно они находятся под наблюдением. Ошибочным было бы полагать, что в подобных организациях практически все ситуации разрешались исключительно силой – по большей части именно постоянное идеологическое воздействие на осужденных во многом и помогло достичь партии равномерного распределения и усвоения базовых социалистических принципов в условиях пенитенциарных институтов.

Технологии нормализации и исправления.

Советская власть последовательно стремилась подчинить и «перековать» носителей чуждой идеологии (действительных и мнимых), и «сконструированное и воплощенное дисциплинарное пространство ГУЛАГа с его монотонной отчужденностью, экономической эксплуатацией и насаждением политического послушания как место совершенного порядка, восполняющего несовершенство советской повседневной жизни» [Сальникова, Герасимова, 2016, с. 755] вселяло в нее полную уверенность осуществимости данного вопроса. Дискурс перековки представлял собой специфическую форму биополитического знания, артикулирующую идеи о пластичности человеческой природы, возможности радикальной трансформации субъективности через труд и политическое просвещение. Этот дискурс легитимировал применение дисциплинарных технологий как «терапевтических» практик, направленных на исцеление «больного» сознания заключенных. Очевидно удобство данной системы для советской властно-партийной структуры: одновременно являясь и способом охраны общественного строя от профессиональных преступников, и местом морального внушения силы государственного аппарата, ГУЛАГ выступал в качестве формирующей сознание заключенных инстанции [Сальникова, Герасимова, 2016, с. 755].

При этом таковое воздействие было направлено на всех осужденных ИТУ и ИТЛ, с той разницей что «политическим» уделялось несколько больше внимания, чем осужденным по другим статьям. Как правило, последние оставались в юрисдикции тюрем общего режима, где отбывали наказание по «легким» статьям; «фашистам» же доставалась участь пребывания в более суровых лагерях ГУЛАГа [Трус, 1994]. Эта дифференциация режимов отражала сложную таксономию «опасности», разработанную советской криминологией и пенитенциарной наукой. Различные категории заключенных требовали различных технологий воздействия – от «мягких» воспитательных мер до интенсивных программ переделки сознания.

Данные учреждения кардинально отличались от обычных тюрем сталинской пенитенциарной системы, в том числе в вопросах организации условий содержания, и нормирования повседневной жизни заключенных и сотрудников службы администрации исправительного учреждения в целом. Уже в 1930-е гг. заключенных, осужденных по ст. 58 УК РСФСР, силовые структуры негласно считали наиболее опасными преступными элементами среди осужденных, что, соответственно, только подстегивало к ним всеобщее внимание.

Инструменты дисциплинарного воздействия.

Все же, наиболее яркой отличительной чертой исправительных мест в системе ГУЛАГа являлось не постоянное администрирование жизни, а сильный, отличающийся от других, идеологический «пресс» (особенно для «политических»), который для своего эффективного функционирования опирался на определенные инструменты. Один из них ранее косвенно был затронут: речь идет о силовом воздействии. Суть его заключалась в следующем: в соответствии с конкретным договором с администрацией колонии, более высокие по статусу среди остальных уголовники были вправе использовать без негативных последствий любые понравившиеся силовые методы для нежелающих внимать официальному дискурсу [Олейник, 2001, с. 124]. В фукольдианской перспективе это силовое воздействие функционировало не просто как репрессия, но как технология субъективации – способ производства определенного типа субъекта через воздействие на тело. Физическое принуждение создавало «поверхность вписывания» власти на теле заключенного, формируя телесную память о подчинении и послушании [История сталинского Гулага. Т. 3, 2004, с. 197]. Постепенно такая методика трансформировала последних из обычных людей в «человека советского» *Homo soveticus* [Зиновьев, 1991], готового выполнять любые распоряжения и просьбы вышестоящих лиц.

Не менее известным инструментом усвоения идеологических догм являлся сверхнормативный изнурительный труд [История сталинского Гулага. Т. 3, 2004, с. 248]. Тяжелая работа по понятным причинам никогда не пользовалась популярностью у любых осужденных, вследствие чего местные криминальные авторитеты часто принуждали низших по статусу заключенных фиксировать их ложное «участие» в нужных документах, занимаясь в рабочее время своими делами. Для искоренения подобного явления взамен старой была введена в эксплуатацию другая, так называемая «система зачетов» [Трус, 1994, с. 10], согласно которой один рабочий день засчитывался заключенному за несколько, при условии должного выполнения всех поставленных задач, тем самым стимулируя трудовой процесс, и предоставляя некоторую передышку. Дисциплина труда в ГУЛАГе функционировала как комплексная технология субъективации, объединяющая экономические, политические и этические измерения. Труд представал не только как средство экономического принуждения, но как «школа» формирования нового советского субъекта – дисциплинированного, продуктивного, лояльного.

Однако осужденных по 58-й и подобным «политическим» статьям рабочий план не касался: они все также работали по старой методике, включавшей недостаточный отдых, постоянные «ускорения» и придирки со стороны охраны – часто по надуманным предлогам. Эта дифференциальная экономика наказания отражала различные стратегии дисциплинарного воздействия на разные категории заключенных. Политические заключенные подвергались более интенсивному режиму дисциплинирования, направленному на «ломку» их идеологической идентичности. Постоянный изнуряющий физический труд часто заставлял не только поменять свои убеждения в обмен на некоторые послабления (например, перевод на менее трудозатратную должность), но и обеспечивал фиксацию идеологических установок на более глубоком ментальном уровне.

Уклонение от дисциплинирования посредством труда грозило оказаться в гораздо более худших условиях, испытывая одновременное давление со стороны лагерного сообщества. Чтобы противостоять этому давлению, необходимо было обладать колоссальным терпением и силой воли, что было под силу далеко не каждому. В дальнейшем это приводило либо к моральному слому человека, либо к существованию уже с принятием общепринятых идеологических и психологических условий в относительно сносных условиях.

Технологии устрашения и информационного контроля.

Отдельного внимания заслуживает инструмент устрашения как средство вменения соответствующих советских идеологических догм в пенитенциарной системе ГУЛАГа. Здесь можно вспомнить точку зрения знаменитого политического исследователя Карла Виттфогеля, который представлял советский режим того периода времени как структуру «бюрократически-государственного рабства». Эта концепция применительно к ГУЛАГу была развита немецким социологом Клаусом Гества, который в качестве ключевого фактора возникновения и развития ГУЛАГа полагал «строительство гигантских каналов и гидроэлектростанций» [Гества, www].

В результате ГУЛАГ превратился в конвейер, при помощи которого с одной стороны обеспечивалась лояльность большей части контингента осужденных, а с другой реализовывалась постепенная трансформация сознания людей в направлении большей покорности и подчинения власти. В свою очередь, средство устрашения поддерживалось системой информаторов, позволяющей производить соответствующую перестройку мировоззрения наиболее нелояльных к советской власти. В фукольдианских терминах это устрашение функционировало как элемент «карцеральной паноптики» – системы тотального контроля, основанной не столько на реальном наблюдении, сколько на создании ощущения

потенциальной видимости. Неопределенность наказания создавала состояние перманентной тревоги, принуждающей к самодисциплинированию.

Эта система представляла собой команду осведомителей из числа осужденных, нанятых начальством тюрьмы по различным поводам. Возглавлял данную структуру конкретный резидент, который часто выбирался из числа заключенных – бывших работников силовых структур. Под его руководством трудилось примерно 30 человек агентов [Фуко, 1999, с. 458], которые были разбросаны по разным отрядам, и ответственны за выяснение и передачу информации своим покровителям о всех важных событиях, включающих массовые драки, планы побегов, возможные мятежи. Эта информационная экономика создавала сложную сеть власти-знания, пронизывающую все лагерное сообщество. Каждый заключенный становился потенциальным объектом наблюдения и субъектом информационного производства, что создавало атмосферу взаимного недоверия и самоконтроля. Помимо вышеперечисленного, подобная организация занималась продвижением среди контингента просоветской идеологической агитации и увеличением позитивных провластных настроений, что нередко приводило к переходу на просоветские воззрения многих заключенных.

Устойчивость системы осведомительства в лагерях ГУЛАГа в значительной степени объяснялись различными выгодами, предоставляемыми информаторам. Эти поощрения варьировались от улучшенного питания до возможности легальной переписки с внешним миром вне установленного режима – привилегии, категорически недоступной для большинства заключенных и грозившей в ином случае наказанием, вплоть до помещения в карцер. Однако данная практика имела и обратную сторону: в лагерной среде информаторство традиционно вызывало презрение и воспринималось как угроза для всего коллектива. Выявленных осведомителей ожидала тяжёлая судьба – они становились изгоями, часто оказывались в изоляции и пребывали в неблагоприятных условиях до окончания срока заключения [Фуко, 1996].

Последним из рассматриваемых механизмов идеологического воздействия в пенитенциарной системе ГУЛАГа следует назвать культивацию постоянного ощущения неотвратимости наказания. Эта практика основывалась на принципе неопределённости – заключенные не могли предсказать, будет ли к ним внезапно применено ужесточение режима или, напротив, удастся спокойно дожить до освобождения. Администрация активно эксплуатировала это состояние неопределённости: в кризисных ситуациях или при усилении контроля она регулярно напоминала заключенным о возможности внезапных санкций. Подобная атмосфера неопределённости и страха сдерживала потенциальные проявления неповиновения, способствуя сохранению дисциплины и идеологического контроля. Именно благодаря этому механизму в течение длительного времени удавалось поддерживать идеологический статус-кво в исправительно-трудовой системе.

Соппротивление и «подпольная жизнь».

Несмотря на тотальность дисциплинарного контроля, лагерное пространство никогда не было полностью «прозрачным» для власти. В духе гофмановской концепции «подпольной жизни», заключенные разрабатывали разнообразные стратегии сопротивления, адаптации и выживания, создававшие альтернативные формы социальности и субъективности.

Эти практики включали неформальную экономику обмена, тайные формы коммуникации, ритуалы солидарности, способы саботажа и сопротивления. Хотя они не могли кардинально изменить структуру лагерной власти, они демонстрировали неполноту дисциплинарного контроля и способность субъектов к креативному сопротивлению.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить основной вывод всего сказанного – реализовав деятельность пенитенциарной системы ГУЛАГа, советский политический режим фактически открыл в нем второй путь функционирования в качестве масштабного инструментария по перековке идеологических взглядов, в том числе диссидентов. В данной структуре осужденные, политическое мировоззрение которых было идеологически чуждым официальной советской концепции, относились к разряду особо опасных преступных элементов.

В фукольддианской перспективе ГУЛАГ представляет собой уникальный «диспозитив» производства советской субъективности, где через систему дисциплинарных практик осуществлялась трансформация политических субъектов в лояльных советских граждан. Карцеральная идеология ГУЛАГа не сводилась к простому подавлению – она была продуктивной технологией власти, создававшей новые формы знания, субъективности и социальности.

Анализ показывает, что ГУЛАГ функционировал как «лаборатория» советской власти, где отрабатывались дисциплинарные технологии, впоследствии распространявшиеся на все советское общество. Паноптическая модель контроля, система нормализующих санкций, технологии субъективации через труд и идеологическое воспитание составили матрицу советского «карцерального архипелага».

Заключённые, чьи политические взгляды не соответствовали официальной советской доктрине, квалифицировались как особо опасные элементы. Таких лиц старались либо подвергнуть «перековке» с помощью специальных методов идеологического воздействия, либо, в случае их несговорчивости, подвергали систематическому давлению и репрессиям. Тем самым советский режим укреплял господствующую идеологическую парадигму, нейтрализуя альтернативные политические позиции внутри пенитенциарных структур.

Исследование демонстрирует продуктивность синтеза фукольддианского анализа дисциплинарной власти, гофмановской теории тотальных институтов и неограмшианского понимания гегемонии для анализа карцеральных практик. Этот методологический синтез позволяет понять ГУЛАГ не только как инструмент репрессий, но как сложную машину производства специфических форм советской субъективности и современности.

Библиография

1. Белова Н. А. История ГУЛАГа в современной историографии // Пенитенциарная наука. 2013. № 2 (22). С. 64–70.
2. Гества К. Выстроенный на воде и крови. Гидротехнический архипелаг ГУЛАГ, 1931–1958 // Сайт Варлама Шаламова [Электронный ресурс]. URL: <https://shalamov.ru/research/61/10.html> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019. 464 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
5. Давыдов И. П., Фадеев И. А. Как мыслят церковные институты: механизмы формирования этноконфессиональной идентичности // Диалог со временем. 2024. № 89. С. 220–231.
6. Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.
7. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. М.: Московский рабочий, 1991. 414 с.
8. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 440 с.
9. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. 418 с.
10. Росси Ж. Справочник по ГУЛагу: исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1987. 546 с.

11. Сальникова А. А., Герасимова Е. А. Советская политическая тюрьма 60–70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3 (158). С. 754–764.
12. Трус Л. С. Зеркало реального социализма, или Введение в экономику и социологию принудительного труда. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 6–34.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
15. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
16. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. 624 с.
17. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.
18. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. New Haven & London: Monthly Review Press, 1971. P. 127–187.
19. Barns S. A. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2011. 352 p.
20. Davis A. Y. Are Prisons Obsolete? New York: Seven Stories Press, 2003. 128 p.
21. Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review. 1993. Vol. 98, № 4 (October). P. 1017–1049.
22. Gilmore R. W. Golden GULAG: Prisons, Surplus, Crisis, and Opposition in Globalizing California. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2007. 390 p.
23. Hall St., ed. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. New York: SAGE Publications & Open University, 1997. 400 p.
24. Jessop B. State Theory: Putting the Capitalist State in Its Place. Cambridge: Polity Press, 1990. 413 p.
25. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven & London: Yale University Press, 1957. 556 p.

Ideological Foundations of Penitentiary System Institutions (Case Study of the GULAG in the 1930s-60s)

Mikhail S. Konstantinov

PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: konstantinov@sfedu.ru

Matvei V. Fedosov

Master's Student,
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: fedosovmatvey@gmail.com

Abstract

The subject of this study is the disciplinary mechanisms of ideological influence within the penitentiary institutions of the GULAG and their role in producing specific forms of Soviet subjectivity. The object of the research is the system of corrective labor camps of the GULAG during the 1930s-1960s, conceptualized as a specific "carceral archipelago" functioning as a laboratory of

Soviet power for refining disciplinary technologies. The authors examine in detail such aspects as the panoptic model of camp space organization, technologies of normalization and subjectivation through labor, and systems of informational control and intimidation. Special attention is paid to analyzing the GULAG as a "dispositif of power" in the Foucauldian sense, combining discursive and non-discursive elements into a unified strategy for producing obedient Soviet subjects. The mechanisms articulating the repressive and productive functions of the penitentiary system, forms of prisoner resistance, and the role of the GULAG as a model for other Soviet disciplinary institutions are investigated. The methodological framework synthesizes Foucauldian analysis of disciplinary power, Irving Goffman's theory of total institutions, and neo-Gramscian understanding of hegemony to develop the concept of "carceral ideology." The main conclusions of the study are: the GULAG functioned as a specific "dispositif" for producing Soviet subjectivity, where through a system of disciplinary practices political subjects were transformed into loyal Soviet citizens; penitentiary institutions served as "laboratories" of Soviet power for developing technologies of total control that subsequently spread throughout Soviet society. The authors' special contribution to the research topic is the development of the "carceral ideology" concept as a synthetic analytical framework unifying disciplinary, normalizing, and hegemonic dimensions of power in penitentiary institutions. The novelty of the research lies in applying Foucauldian theory of disciplinary power to systematic analysis of Soviet carceral practices and conceptualizing the GULAG not only as a repressive but as a productive institution that created new forms of knowledge about the Soviet subject and technologies for its formation. The study demonstrates how the carceral technologies of the GULAG constituted the matrix of the Soviet "carceral archipelago" that determined the specificity of the Soviet project of subjectivity modernization.

For citation

Konstantinov M.S., Fedosov M.V. (2025) Ideologicheskiye osnovaniya institutov penitentsiarnykh sistem (na primere GULAGa 1930–60-kh gg.) [Ideological Foundations of Penitentiary System Institutions (Case Study of the GULAG in the 1930s-60s)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (6A), pp. 14-29. DOI: 10.34670/AR.2025.47.35.002

Keywords

GULAG, disciplinary power, total institutions, ideology, ideological subjectivity, carceral archipelago, technologies of power, hegemony, biopower, panopticism.

References

1. Belova N. A. The history of the Gulag in modern historiography // *Penitentiary science*. 2013. No. 2 (22). pp. 64-70.
2. Guzhestva K. Built on water and blood. The GULAG hydrotechnical archipelago, 1931-1958 // Varlam Shalamov's website [Electronic resource]. URL: <https://shalamov.ru/research/61/10.html> (date of access: 06/10/2024).
3. Goffman E. *Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions*. Moscow: Elementary Forms, 2019. 464 p.
4. Gramsci A. *Prison notebooks: in 3 hours, Part 1*. Moscow: Politizdat, 1991. 560 p.
5. Davydov I. P., Fadeev I. A. How church institutions think: mechanisms for the formation of ethno-confessional identity // *Dialogue with time*. 2024. No. 89. pp. 220-231.
6. Douglas M. *How institutions think*. Moscow: Elementary Forms, 2020. 250 p.
7. Zinoviev A. A. *Homo sovieticus. Para bellum*. Moscow: Moskovsky rabochy Publ., 1991. 414 p.
8. Ivanova G. M. *The history of the GULAG, 1918-1958: socio-economic and political-legal aspects*. Moscow: Nauka, 2006. 440 p.
9. Oleinik A. N. *Prison subculture in Russia: from everyday life to state power*. Moscow: INFRA-M, 2001. 418 p.

10. Rossi J. Handbook of the Gulag: a historical dictionary of Soviet penitentiary institutions and terms related to forced labor. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1987. 546 p.
11. Salnikov A. A., Gerasimova E. A. The Soviet political system of the 60-70s of the XX century: the empire of power and the government of the republic // Scientific notes of the Kazakhstan University. Series: Humanities. 2016. No. 3 (158). pp. 754-764.
12. Coward L. S. The Mirror of real socialism, or An Introduction to economics and sociology of forced labor. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1994. pp. 6-34.
13. Foucault M. The Will to Truth: Beyond knowledge, Power and sexuality. Works from different years. M.: Kastal, 1996. 448 p.
14. Foucault M. To supervise and punish. The birth of thermae. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p.
15. Foucault M. The birth of biopolitics: a course of lectures delivered at the College de France in the 1978-1979 academic year. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 448 p.
16. The history of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: a collection of documents: in 7 volumes vol. 3. Economics of the Gulag / ed. and comp. O. V. Khlevnyuk. Moscow: ROSSPEN, 2004. 624 p.
17. Applebaum E. GULAG. The Web of the Great Terror. Moscow: Moscow School of Political Studies, 2006. 608 p.
18. Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses. New Haven and London: Monthly Review Press, 1971. pp. 127-187.
19. Barnes S. A. Death and Redemption: The Gulag and the Formation of Soviet society. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2011. 352 p.
20. Davis A. Y. Are prisons outdated? New York: Seven Stories Press, 2003. 128 p.
21. Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. Victims of the Soviet penitentiary system in the pre-war years: a first approach based on archival evidence // American Historical Review. 1993. Volume 98, No. 4 (October). pp. 1017-1049.
22. Gilmore R. W. The Golden GULAG: Prisons, surplus, crisis and opposition in globalizing California. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2007. 390 p.
23. Hall Street, ed. Representation: cultural representations and signifying practices. New York: SAGE Publications & Open University, 1997. 400 pp.
24. Jessop B. Theory of the State: how to put the capitalist state in its place. Cambridge: Polity Press, 1990. 413 p.
25. Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven and London: Yale University Press, 1957. 556 p.